

Пантелеймон Александрович
КУЛИШ
(1819 — 1897)

Если автор «Истории воссоединения Руси»
проложил хоть какой-нибудь путь к точному уразумению,
как было и почему так, а не иначе, было то, что его
предшественники понимали сбивчиво, —
он уже не напрасно трудился. —

Автор

*Пантелеймон Александрович
Кулиш*

ИСТОРИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ РУСИ

Иллюстрированное издание

Москва
2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К90

Кулиш, Пантелеймон Александрович.
К90 История воссоединения Руси / Пантелеймон Александрович Кулиш. —
Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская
императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-212729-8

Пантелеймон Александрович Кулиш (1819—1897), писатель, поэт, этнограф, переводчик, историк, был одним из крупнейших деятелей украинского просвещения, «властителем дум» украинской интеллигенции. По популярности и влиянию он не уступал Тарасу Шевченко. Кулиш — автор концепции «хуторской философии»; создатель «кулишовки» — одной из ранних версий украинского алфавита; главный автор первого полного украинского перевода Библии. Он был типичным украинофилом, воспевавшим казацкое прошлое и мифологизировавшим гетманство и казацкую старшину как защитников православия от католичества и ислама. Но это — в молодости. Все изменилось с момента выхода фундаментального исторического труда П. Кулиша «История воссоединения Руси» и его продолжения — «История отпадения Украины от Польши». Кулиш проделал огромную работу, шаг за шагом, на основании документальных свидетельств развенчивая исторические мифы, связанные с деятельностью Запорожской Сечи и ее гетманов. Историк пришел к выводу, что именно российское самодержавие и православие сыграли главную роль в историческом процессе развития украинской нации и сохранения ее культуры.

Безусловно, Кулиш осознавал, что книга, написанная в таком ключе, вызовет негодование в среде его единомышленников. Переосмысление взглядов, совершенно иное видение прошлого своего народа стало непростым этапом как для самого Кулиша, так и для его сторонников. Как сказал знаменитый французский философ Дени Дидро: «В истории любого народа найдется немало страниц, которые были бы великолепны, будь они правдой». Многие поддавались такому соблазну и сочиняли «великолепные страницы», но Пантелеймон Кулиш шел по другому пути, признавая в истории только один аргумент — правду, ведь, по его убеждению, «для историка слово правды должно быть дороже благосклонности читателей»...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-212729-8

© Состав, текст, дизайн, макет, художественное оформление. «Triumph Fortune Ltd», 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

От Издательства

Пантелеймон Кулиш — один из крупнейших деятелей украинского просвещения, «властитель дум» украинской интеллигенции, по популярности и влиянию не уступавший Тарасу Шевченко. Идеолог украинофильства, воспевавший запорожских казаков как защитников православия от католичества и ислама. Это в молодости. А в более зрелом возрасте — круто поменявший свои взгляды, видевший в казачестве «дикую по-восточному охлократию» и считавший, что запорожцы ничего общего с «православным мессианством» не имели, а владела ими исключительно жажда наживы, не ограниченная никакими законами.

Кулиш — писатель и историк, которого арестовывали во времена царские, считали «украинским буржуазным националистом» и, соответственно, не публиковали при советской власти и к которому с опаской относятся в современной Украине.

Уроженец села Воронеж Глуховского уезда Черниговской губернии был вторым ребенком в семье зажиточного крестьянина из старшинского казацкого рода. Сам Пантелеймон доказывал, что его отец был дворянином, однако документально подтвердить это так и не сумел. Из-за чего, проучившись два года в качестве вольного слушателя в Киевском университете, был вынужден прервать обучение (право поступать в высшие учебные заведения в то время имели только дворяне). Затем был переезд в Петербург в 1845 г., женитьба на происходившей из аристократического рода Александре Михайловне Белозерской, первая поездка в Европу, дружба с Тарасом Шевченко и другими украинскими интеллигентами, Кирилло-Мефодиевское братство, которое в 1847 г. было разгромлено жандармами. Кулиш отделался достаточно легко: принадлежность его к этой организации доказана не была, и он по окончании следствия был сослан в Тулу.

До этих пор Пантелеймон Кулиш был, если можно так сказать, «типичным украинофилом», воспевавшим казацкое прошлое и мифологизировавшим гетманство и казацкую старшину. Но после того как в 1850–1860-х гг. он много раз побывал в Галиции, долгое время жил в Варшаве, его взгляды коренным образом изменились.

Итогом этих поездок и кропотливейшей работы стал трехтомный труд «История воссоединения Руси», впервые опубликованный в 1874–1877 гг. в Санкт-Петербурге в типографии товарищества «Общественная польза».

Безусловно, Кулиш понимал, что книга, написанная в таком ключе, может вызвать непонимание и негодование в среде его друзей и единомышленников. Понимал — и проделал огромную работу, документально, шаг за шагом подтверждая идею вреда казачьего движения и крестьянских восстаний в XVII веке и развенчивая исторические мифы, связанные с деятельностью Запорожской Сечи и ее гетманов. Прогрессивными же силами, чья культурная миссия, по мнению Кулиша, не подлежит сомнению, он видел отчасти польскую шляхту, но в основном Российскую империю. Переосмысление взглядов, совершенно иное видение прошлого своего народа было непростым шагом как для самого Кулиша, так и для его друзей и сторонников. Но такой шаг был необходим — так показало и время. Как сказал знаменитый французский философ Дени Дидро: «В истории любого народа найдется немало страниц, которые были бы великолепны, будь они правдой». Многие поддавались такому соблазну и сочиняли «великолепные страницы», но Пантелеймон Кулиш шел по другому пути, признавая в истории только один аргумент — правду, ведь, по его убеждению, «для историка слово правды должно быть дороже благосклонности читателей».

Борис Дмитриевич
ГРИНЧЕНКО

П. А. КУЛИШ.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Имя, поставленное во главе этого очерка, принадлежит одному из замечательнейших уроженцев Черниговской губернии.

Мы не намерены писать биографии Кулиша. Его жизнь слишком близка еще к нам, результаты его деятельности далеко еще не определились, чтобы можно было это сделать с достаточной полнотой и определенностью. Но все же для понимания этой личности необходимо напомнить главные факты его жизни.

Он родился 26 июля 1819 года в Воронеже, Глуховского уезда Черниговской губернии, в семье мелкопоместного панка, предки которого были казаками. Семья жила небедно, но жила просто, по-старосветски. Отец своими руками строил и мастерил, мать была неграмотна. В семье говорили, конечно, только по-малорусски, и иного языка мальчик пока не знал.

Первые шаги его по пути образования сделаны были при поэтической обстановке — мальчик любился в свою двоюродную сестру Лесю, которая была старше его на четыре года. Она выучила его читать по-церковнославянски и передавала своему влюбленному ученику поэтические народные сказки, а он мечтал о том, что оденет ее всю в золото — тогда, когда вырастет и будет богачом. Он действительно сделался богачом — духа, но своего намерения не мог исполнить: пьяница-муж уложил в гроб его Лесю.

Вторым лицом, сильно поразившим детское воображение маленького Кулиша, была богатая помещица, соседка Кулишей, Ульяна Мужиловская. Кулиш описал ее потом в повести «Ульяна Терентьевна», а в своих воспоминаниях он рассказывает, что она представлялась ему тогда какою-то царицею или богинею, сияющею умом и рассыпающею вокруг себя добро. К такому представлению о ней склоняло Кулиша, между прочим, то влияние, какое Мужиловская имела на его отца. Мать Кулиша дрожала перед своим деспотическим и горячим мужем, а он следовал советам и указаниям Мужиловской как ребенок. Умный впечатлительный мальчик проникался, под ее влиянием, духом идеализма, и уже с этого времени, по его словам, у него появилось пренебрежение к судьбе обыкновенного человека: он мечтал о чем-то особенном и старался стать выше всех своих товарищей.

Настояниям Мужиловской он обязан был и тем, что отец после уездного училища отдал его не в канцелярию суда, как предполагал, а в Новгород-Северскую гимназию.

Сперва он был очень плохим учеником, так как не понимал по-русски, но, победив это препятствие, сделался первым в классе. Впрочем учиться было почти нечему, так как учителя были лишь плохие чиновники, и умнее всех учителей казался Кулишу его товарищ Сердюков, вместе с которым он читал Жуковского и Пушкина; сам же Сердюков читал в оригинале Гёте и Шиллера.

Гордая натура Кулиша проявлялась уже тогда. Однажды он не мог решить алгебраической задачи. Учитель велел ему стать на колени.

Мальчик сказал:

— Если поставите меня на колени, то заброшу навсегда алгебру; а если на этот раз простите — буду хорошим учеником.

Учитель поставил его на колени, а Кулиш, прекрасно учившийся по всем предметам, совсем оставил алгебру и на экзамене заявил, что ничего из нее не знает, что, впрочем, не помешало ему, благодаря доброте директора, перейти в следующий класс.

Тогда же в Новгород-Северске он впервые заинтересовался произведениями малорусских авторов. До тех пор он читал Гулака-Артемовского, первые повести Квитки, потом вдвоем с Сердюковым наслаждался малорусскими рассказами Гоголя и даже сам написал со слов своей матери по-украински сказку «Цыган», но сознательно-го отношения к языку у него не было. Случайно Кулиш приобрел в бакалейной лавке сборник народных украинских дум и песен Максимовича, изданный в 1834 году, и начал читать книгу вдвоем с Сердюковым.

Сборник произвел на обоих такое впечатление, что они забыли и о Квитке с Гоголем, и о немецких классиках. Кулиш носился везде с книжкой, каждому ее читал — до тех пор, пока всем надоело так, что над ним стали смеяться и убегать от его чтения. Тогда он выучил всю книгу на память, чтобы никогда не расставаться с ней.

Отец не дал сыну возможности окончить гимназию. Кулиш вышел из нее, перейдя в предпоследний класс, был учителем в помещичьих семьях и готовился к поступлению в университет; выдержав экзамен в Киеве, он поступил сперва на словесный, а потом на юридический факультет.

Кроме университетских лекций, большое влияние оказывал тогда на Кулиша известный историк, этнограф и филолог Максимович, бывший в то время профессором Киевского университета. Кулиш приобрел его симпатии, представив ему сборник народных песен, записанных от матери. Молодой студент приходил в гости к профессору, оба вместе работали над собранием песен и читали Вальтера Скотта, причем профессор объяснял Кулишу законы литературного творчества. Под влиянием Максимовича начались и первые литературные работы Кулиша: в изданном Максимовичем в 1840 году сборнике «Киевлянин» напечатан был перевод двух народных малорусских легенд, сделанный Кулишом.

Борис Дмитриевич Гринченко
(1863—1910)

Известный украинский историк, этнограф, публицист, писатель, переводчик, общественный и политический деятель. Автор первого фундаментального «Словаря украинского языка» и многих учебников. Один из организаторов общества «Просвита» («Просвещение»).

Недостаток средств и здесь сильно мешал Кулишу заниматься наукой: бедствуя, он принужден был бросить университет и зарабатывать в качестве учителя городских школ в Луцке и Киеве, потом снова возвращался к университетским лекциям.

Однако это не мешало ему заниматься литературой, и в 1843 году появился его исторический роман «Михайло Чернышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад», мысль о написании которого навеяна была ему чтением Вальтера Скотта.

В то же время он занялся более основательным изучением своего народа, и мы видим, что в 1844 и 1845 годах Кулиш обошел и объехал всю Киевскую губернию, собирая этнографические материалы, вошедшие потом в его «Записки о Южной Руси». Обходя села и разговаривая с на-

К. А. Трутовский. Слепой бандурист. 1862 г.

родными кобзарями и стариками, Кулиш иногда декламировал им на память величественные кобзарские думы, изучать которые он, как мы видели, начал еще гимназистом. Этим он страшно поражал своих слушателей, никогда не предполагавших, чтобы «пан» мог сохранять в своей голове произведения, считавшиеся ими исключительным достоянием села. Воодушевленные и этими воспоминаниями о прошлом, и невидимым

данном ими доселе человеческим отношением этого «пана» к ним, «мужикам», эти люди раскрывали перед ним свою душу, и Кулиш не раз должен был прятаться и уходить тайком от своих сельских друзей, которые, не слышав никогда ничего подобного, начинали распространять вокруг него слухи, что это царский сын, тайком от панов, ходит среди народа, желая узнать его нужды.

Во время своих этнографических экскурсий Кулиш познакомился с двумя жившими в Малороссии представителями польской интеллигенции: историком Грабовским и этнографом Свидзинским. Все трое они обменивались между собою своими знаниями, записями, книгами; сходились на интересе к местной истории и этнографии, но сильно расходились во взглядах на малорусский народ и его прошлое. Из других знакомств его в это время следует отметить знакомство с Шевченко, Костомаровым и Василием Белозерским, впоследствии редактором «Основы».

Интересно его первое знакомство с Шевченко.

В комнату Кулиша входит кто-то в парусиновой одежде и говорит:

— Здорові були! А вгадайте — хто?

— Хто ж, як не Шевченко! — ответил Кулиш, хотя даже и портрета поэта никогда не видал.

— Він і є! — ответил гость.

Между новыми знакомыми скоро завязались сердечные отношения, которые, однако, несколько охлаждались сильным несоответствием натур обоих писателей: Шевченко не нравилась «аристократичность» Кулиша, а последний не совсем мирился с проявлениями сильного «козацько-бурлацького» демократизма поэта.

С Костомаровым Кулиша сближал их интерес к родной старине, изучению которой они оба ревностно предавались; с Белозерским, кроме сходства взглядов и симпатий, их связывали еще и иного рода отношения. Будучи в гостях у Белозерского в Борзенском уезде Черниговской губернии, Кулиш познакомился там с его сестрой, произведшей на него сильное впечатление и сделавшейся через три года женой нашего писателя.

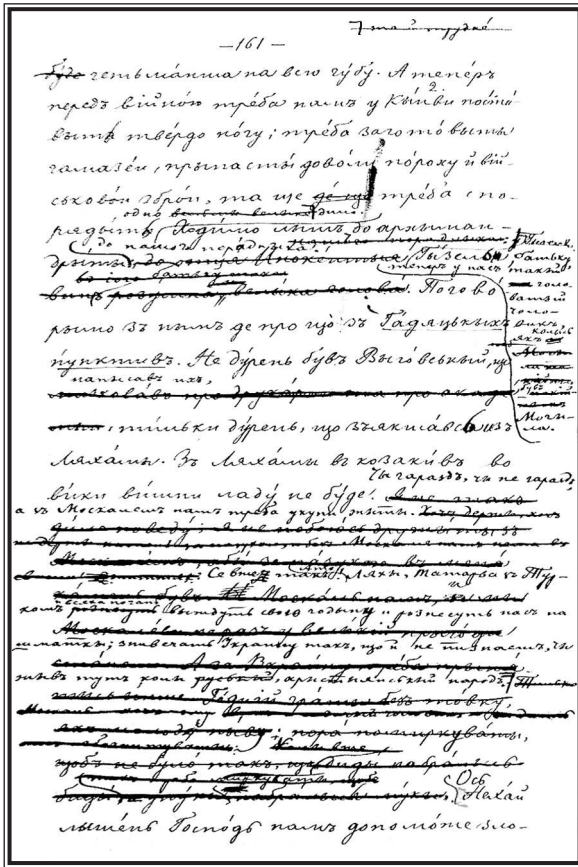
Таким образом, мы видим, что в самом начале своей литературной деятельности Кулиш попал в круг лучших представителей местной интеллигенции, людей со знаниями, умом и талантом. Это, конечно, не могло не действовать благотворно-развивающим образом на него самого и не укреплять его в намерении работать над изучением народного быта и местной истории, которой он интересовался по преимуществу.

Он изучал кровавую эпопею народной борьбы с враждебными народу элементами по книгам и старым документам, по древним раскопанным могилам и по полным жизни и поэзии преданиям и песням родного села. На него повеяло духом старого героизма малорусской истории, и у него

Пантелеймон Кулиш и Николай Костомаров.
Фотография. 1859 г.

явилась мысль создать украинскую Илиаду. Ему хотелось собрать думы о всех малорусских гетманах и, объединив их в одно целое, создать нечто подобное Гомеровой эпопее. Он ходил из села в село, выпрашивая, выслушивая эти думы, но все же ему не удалось собрать ничего цельного, подобного «Илиаде». Об одном народные массы не сложили совсем песен, о другом — уже успели забыть сложенные. Тогда молодой поэт решил взять все известные ему народные думы, расположить их в хронологическом порядке, а пробелы заполнить думами собственного создания. Первая часть этой работы под заглавием «Украина» появилась в 1843 году. Она заключала в себе двенадцать дум, воспевавших события от Владимира Святого до Хмельницкого: пять дум были народные, а семь — произведения самого Кулиша, написанные в том же духе, не без таланта и прекрасным малорусским языком. Но как раз в это время публика только что прочитала «Кобзаря» Шевченко, и огненная поэзия гениального народного поэта оставила в тени меньшую поэтическую силу. Кулиш надолго замолк как поэт-стихотворец. Но Гомер вдохновил его еще

Страница рукописи «Черной рады»
Пантелеймона Кулиша.
1848–1855 гг.

на одно произведение: под впечатлением шестой песни Одиссеи Кулиш написал «Орысю» — грациозную поэтическую идиллию.

Между тем в Киеве уже составилась кружок молодежи, к которому принадлежал и Кулиш. Вот как он сам, в одной из своих книг, характеризует этот кружок: «Среди этой молодежи явился Шевченко со своим громким плачем над несчастною судьбою народа и запел перед ними:

Світе тихий, краю милий...

Эта песня была для них поистине звуком архангельской трубы воскрешения. Если когда-либо говорили правду, что сердце ожило, что глаза заблестали, что над головой у человека загорелся пламенный язык, — то это было тогда в Киеве».

Маленький кружок смотрел на Шевченко как на пророка, а на себя — как на вдохновенных свыше на великое дело развития малорусской

литературы и поднятия крепостного народа из рабства духовного и социального. «Необходимо знать, — говорит Кулиш, — что эта киевская молодежь была сильно проникнута евангельскими идеалами, что это была молодежь высокой нравственной чистоты и что апостольство любви к ближнему достигало среди нее до энтузиазма».

К этому должно прибавить влияние принципов, выработанных западноевропейским умственным движением того времени. «Мы имели в виду, — говорит Кулиш, — не одно только освобождение крепостного. Этого нам было мало, или, лучше сказать, это было у нас последним делом. Программу нашего освобождения крепостных служили слова Спасителя: “И уразумеете истину, и истина свободит вы”. Мы знали, что в Англии не право и не декрет, а культура уничтожила крепостное право». Кружок пока учился сам, учил других, стараясь привить сыновьям помещиков возвышенные гуманные идеи и убеждая эту молодежь, что необходимо уничтожить крепостное право и готовить дворянство к этому акту.

Между тем Кулиш напечатал первые главы своего исторического романа «Черная рада» в журнале Н. А. Плетнева «Современник» (1845). По этому поводу возникла переписка у Кулиша с Плетневым, имевшая тот результат, что Плетнев, бывший тогда ректором университета и управлявший учебным округом, вызвал Кулиша в Петербург и дал ему сразу две должности учителя гимназии и преподавателя русского языка студентам-инородцам в университете. Плетнев очень полюбил начинающего писателя, и они виделись почти ежедневно. Интересно, что пишет Плетнев (в письмах к Я. К. Гроту) о Кулише того времени: «Кулиш — молодой человек высоких нравственных и религиозных правил», «высокий образец чувствований и дел», «интересный и наружностью, и чистотою души, и умом».

Живя в Петербурге и помогая Плетневу в работах по «Современнику», Кулиш не забывал малорусской истории и посылал в Москву Бодянскому для напечатания в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских», секретарем которого состоял Бодянский, различные рукописные малорусские летописи, между прочим знаменитую «Летопись самовидца»; принимал участие в судьбах «Чтений»; обрабатывал для издания свои этнографические материалы и вообще проявлял самую разнообразную деятельность, несмотря на то что, не от-

Т. Г. Шевченко в кругу друзей. Слева направо: А. М. Лазаревский (?), М. М. Лазаревский, Т. Г. Шевченко, Г. М. Честаховский, неизвестный. Фотография. 1847 г.

личаясь вообще здоровьем, часто прихварывал и лично не чувствовал себя счастливым. «Где тут везет?! — отвечает он Бодянскому на письмо. — Я должен везти, а не мне везет»¹. Он перезнакомился уже в это время с цветом петербургской интеллигенции и обратил на себя внимание своими трудами.

Нездолго до этого умер академик-славист Прейс. По настоянию Плетнева Академия наук послала Кулиша, хотя он и не окончил университета, за границу, чтобы по возвращении он занял место адъюнкта академии и кафедру славянских литератур в университете. Кулиш выехал из Петербурга на Черниговщину, где 22 января 1847 года женился на сестре Василия Белозерского Александре Михайловне, известной теперь в литературе под псевдонимом

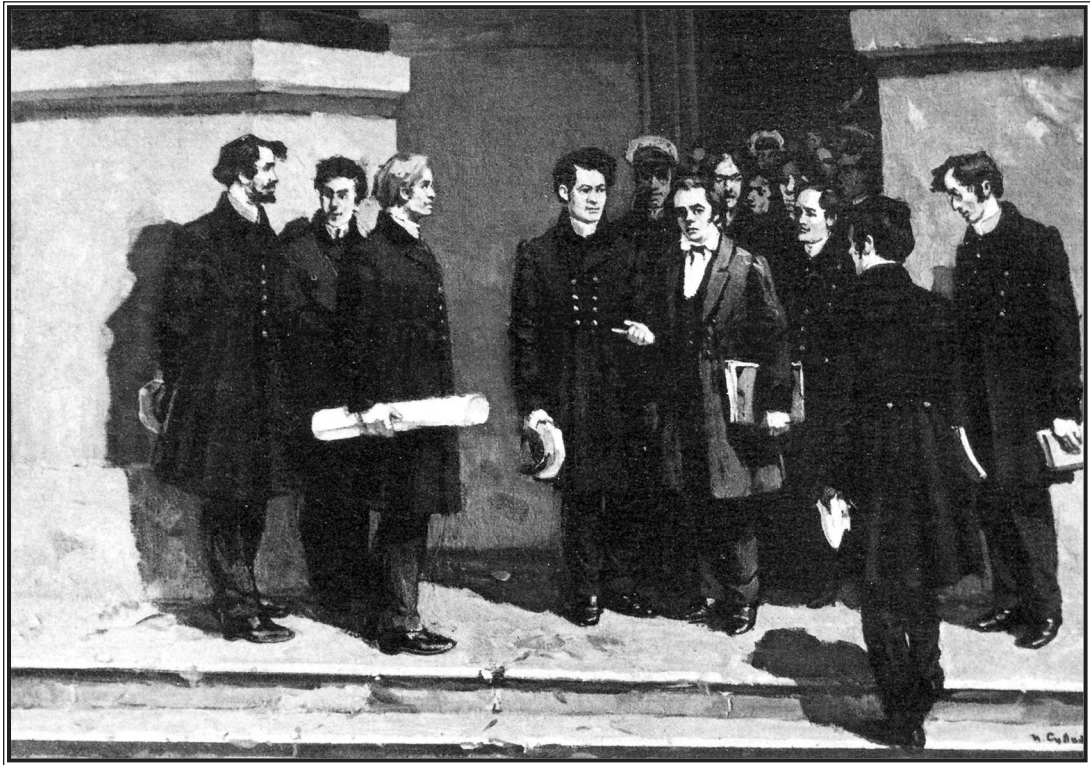
Ганны Барвинок; свадьба происходила в той самой Оленовке, в которой он умер и похоронен. Счастливый и полный надежд, выехал Кулиш, вместе с женой и ее братом, за границу, но по пути остановился на некоторое время в Варшаве.

Неожиданный поворот обстоятельств разрушил все надежды Кулиша.

Во время отсутствия Кулиша в Киеве киевский кружок окончательно организовался в тайное общество, называвшееся «Братство св. Кирилла и Мефодия» (25 декабря 1846). Членами этого братства были Николай Гулак, Николай Костомаров (основавший братство)², Александр Навроцкий, Василий Белозерский, Афанасий Маркович (Марко Вовчок), Посяда, Андрузский,

¹ «Киевская старина», 1897, IX, 394—408.

² Костомаров в своей статье в «Киевской старине» говорит, что были только разговоры о братстве, но самого общества не было. Во всяком случае, программа его существовала.

П. С. Сулименко. Члены Кирилло-Мефодиевского братства. 1964 г.

Тулуб, Савич... По словам Кулиша, ни он, ни Шевченко не состояли членами этого братства, так как «братчики» решили, что оба они и без того будут работать для той же идеи и в то же время останутся в стороне в случае открытия общества. Интересы этого кружка не ограничивались пределами малорусской народности. Члены его мечтали об общеславянской взаимности, соединяя с последней пожелания прогресса в своей стране.

«Взаимность славянских народов,— писал позже об этом кружке Костомаров,— в нашем воображении не ограничивалась уже сферой науки и поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Помимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций... Во всех частях федерации предполагались одинаковые основные законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства в каком бы то ни было виде, единая центральная

власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию»¹. Общество должно было быть общеславянским, почему в него принимались «славяне всех племен и всех званий».

Из ближайших целей намечены были следующие: «Так как славянские племена в настоящее время исповедуют различные вероисповедания и имеют предубеждения друг против друга, то

¹ См. «Энциклопедический словарь» Брокгауза — Ефрона, полтом 31, «Костомаров. Сведения о Киевском кружке, Кирилло-Мефодьевском братстве, равно и обо всех последующих событиях» см. еще в «Киевской старине» (1883, II, 228—229); «Очерках истории украинской литературы XIX ст.» проф. Н. И. Петрова (главы о Костомарове, Кулише, Шевченко в Навроцком и разборе этой книги проф. Дашкевичем («Отчет о 29-м присуждении награды графа Уварова». Академия наук. СПб., 1888); «Истории славянских литератур» Пыпина и Спасовича; автобиографий Костомарова («Литературное наследие», СПб., 1890), книге А. Конисского «Жизнь украинского поэта Т. Г. Шевченко» (Одесса, 1898); «Русском архиве» (1892, №7, стр. 334—359, доклад графа Орлова о следствии); «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина, (т. III, главы о Кулише и Костомарове) и др.

общество будет стараться об уничтожении всякой письменной и религиозной вражды между ними и в распространении идеи о возможности примирения разногласий в христианских церквях. Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности».

Братство просуществовало не долго. Студент Алексей Петров, подслушав разговор «братчиков» в квартире Гулака, сделал донос, и весной 1847 года арестовали вышеназванных членов братства, равно Шевченко и Кулиша, последнего в Варшаве. Кулиша привезли в Петербург. На все уверения его, что он не принимал участия в братстве, не обращали внимания и считали его руководителем всего дела. Наконец Кулиш был обвинен за написание брошюры для детей «Повесть об украинском народе», напечатанной в 1846 еще году в детском журнале Ишимовой — «Звездочка», присужден к заключению на два месяца в крепость, а затем сослан в Тулу с запрещением служить по министерству народного просвещения и писать.

В Туле Кулиш прожил три года и три месяца, получая 300 рублей в год за редакторство «Губернских ведомостей». В это время он изучал иностранные языки (он изучил впоследствии, без помощи учителя, шесть иностранных языков, не считая, конечно, славянских) и написал по-русски две исторические повести — «Алексей Однорог» и «Искатели счастья». В 1850 году он был освобожден от подневольного жительства. Рассказ о том, как он принял известие о свободе, характеризует его крайнюю впечатлительность. Жандармский полковник пришел известить Кулиша о перемене в его судьбе. По его уходе Кулиш сейчас же пошел к жене сказать об этом. Вошел — и не в состоянии был ничего выговорить.

Испуганная его видом, жена спросила:

— Що таке? Що сталося?

Он взял перо и написал: «Волю нам вернули».

Сейчас же Кулиш поспешил выехать с женою в Петербург и начал зарабатывать журнальным трудом: переводил и делал всякие компиляции по книгам немецким, английским, французским и польским, писал оригинальные вещи. Так как писать ему было запрещено, то он печатал анонимно или под псевдонимами. Поступил было на службу в министерство государственных имуществ, но служба не шла, и пришлось ее через год оставить. Кулиш выехал из Петербурга в Полтавскую губернию. Там один приятель дал ему бес-

Александра Михайловна Кулиш.

Фотография Николая Уземского. 1866 г.

Ганна Барвинок (литературный псевдоним Александры Кулиш). Утверждают, что к писательству ее побудил пример Марии Маркович (Марко Вовчок).

платно в пользование 120 десятин земли. Плетнев и один родственник заняли 900 рублей. С этими средствами он начал хозяйничать, выстроив наново себе хутор. Что умел, делал своими руками. Сам он прекрасно знал столярное ремесло (живя в Петербурге, делал мебель, скрипки) и теперь по собственному плану и собственными руками строил себе дом. Живя на этом хуторе, он познакомился с Сергеем Аксаковым и матерью Гоголя (с Гоголем он был знаком при жизни последнего) и под их влиянием составил в двух томах книгу «Записки о жизни Н. В. Гоголя» (1856—1857), деньги на издание которой дал С. Аксаков. Здесь же он обработал к печати первый том своих «Записок о Южной Руси» и написал повесть «Феклуша».

Через два года Кулиш был уже в Киеве, а затем снова в Петербурге. Одна за другой появляются его собственные книги и книги, редактированные им для издания «Записок о жизни Н. В. Гоголя» (1856—1857); два тома «Записок о Южной Руси» (1856—1857); «Черная рада» — исторический роман, сперва по-русски, а потом по-украински; собрание сочинений Гоголя

Иллюстрация к роману П. А. Кулиша «Черная рада».

Издание Я. С. Оренштайна. 1912 г.

(шесть томов); перевод истории Маколея и прочее. Остановимся на некоторых из них.

Содержание «Записок о Южной Руси» преимущественно историческое и этнографическое, но там же впервые напечатаны две прекрасные вещи украинской литературы: «Орыся» Кулиша и «Наймычка» Шевченко. Научное значение «Записок о Южной Руси» как этнографического сборника большое, несмотря на некоторые ошибки, неизбежные в таком новом деле, каким тогда была малорусская этнография. Кулиш представлял ценные материалы, записанные от народа, со своими интересными замечаниями.

Книга производила впечатление на публику не только как ученый труд, но и как наглядное доказательство силы духовного творчества народа. Истории касается здесь Кулиш в этнографических записях и своих примечаниях к ним, а также и в отдельных статьях. Кулиш защищает малорусский народ от обвинений польских историков, но в то же время относится неблагоприятно к своим гайдакакам и высказывает резкое порицание (не всегда, впрочем, оправдываемое фактами) по адресу некоторых начальствовавших лиц бывшей гетманщины, обвиняя их в эксплуатации народа.

«Записки о Южной Руси» имели значение еще в одном отношении. В этой книге Кулиш впервые установил малорусское правописание, которое и было принято малорусскими писателями. В настоящее время в Австрии, в малорусских Галиции и Буковине, это правописание введено официально во всех учебных заведениях, начиная со школы и заканчивая университетом, употребляется в официальных сношениях, равно как и в официальном «Вістнику державних законів», издаваемом правительством для малорусского населения Австрии.

«Черная рада», изображающая борьбу за гетманскую булаву между Брюховецким и Сомко, была первым историческим романом, написанным по-украински прекрасным языком, в котором автор очень искусно сумел соединить материал старого малорусского книжного языка с современной живою народною речью.

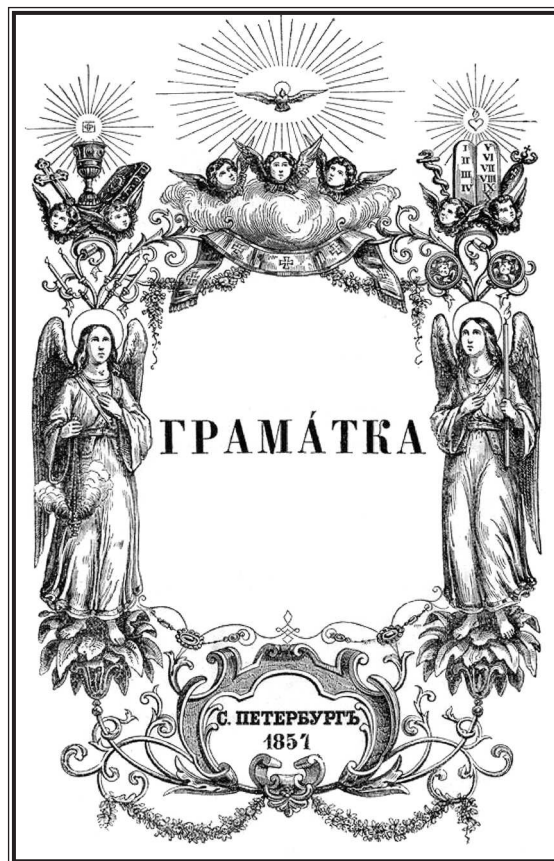
В авторе видно знатока прошедшего Малороссии; картина тогдашней общественной неурядицы в стране нарисована резкими штрихами; есть прекрасно удавшиеся фигуры (например, Кирило Тур, Черевань), хорошо нарисованные картины, но все это несколько холодно, мало теплоты и задушевности. Во вся-

ком случае, «Черная рада» остается и всегда будет оставаться замечательным произведением украинской литературы, образцовым во многих отношениях.

Издавая такие капитальные вещи, как выше-названные, Кулиш обратил серьезное внимание на просвещение народа и в 1857 году издал малорусскую «Грамотку» (азбуку) — немного трудную для детей, но прекрасно составленную книгу для чтения крестьян в селах; ее и до сих пор читают с жадностью. (В 1861 году он переиздал ее в сокращении.) С той же целью Кулиш напечатал второе издание малорусских проповедей Гречулевича или — лучше сказать — под именем Гречулевича, (издавшего малорусские проповеди ранее), издал свои собственные проповеди.

Тогда же попалась ему в руки рукопись «Народных оповіданнів»¹ Афанасия Васильевича Марковича, работавшего, кажется, при участии своей жены и скрывшего свое авторство за ее авторством, дав ей псевдоним Марко Вовчок. На Кулиша произвел большое впечатление талант нового писателя, он редактировал его рассказы «и в 1857 году издал со своим хвалебным предисловием.

В это время он мог уже печатать за своей подписью и получил заграничный паспорт. Объездив вдвоем с женою почти всю Европу, Кулиш в 1860 году был снова в Петербурге и просил разрешения издавать малорусский журнал «Хата», но должен был ограничиться только альманахом «Хата», изданным в одной книге и составленным из произведений Шевченко, Гребинки, Г. Барвинок, М. Вовчка, Щоголева и др. Изданное в том же году в четырех томах собрание его русских «Повестей» не произвело впечатления, зато пользовалась популярностью его «Сільська бібліотека» — серия книжечек (всего вышло в 1860—1862 годах 39 номеров), дешево изданных для народного чтения. Серия была составлена из произведений самого Кулиша, Шевченко, Квитки, М. Вовчка, Г. Барвинок, Мордовцева, Кузьменко, Стороженко и др. Эти книжечки, прозванные среди публики «метеликами», представляли тогда почти единственный доступный для народа материал для чтения. Не ограничиваясь этими маленькими брошюрками, Кулиш намеревался дать для народа ряд научно-популярных книжек и начал дело книжкой «Хмельнищина». Дальше должна была следовать отдельными такими же выпусками вся история

Титульный лист «Грамотки» П. А. Кулиша.
Санкт-Петербург. 1857 г.

Малороссии, но исполнению этого замысла помешала новая большая работа.

В 1861 году В. Л. Белозерскому разрешено было издавать в Петербурге ежемесячный журнал «Основа» — на малорусском и русском языках. Однако для ведения такого журнала пока было слишком мало сил, т. е. людей с талантом, знанием народа и его языка. Можно было заранее сказать, что журнал почти не мог существовать с теми ограниченными силами, какие имелись налицо.

Шевченко уже умирал, и, кроме Кулиша, только Марко Вовчка и можно было тогда считать за серьезную рабочую величину. Из такого положения мог быть только один выход, а именно тот, что должен был найтись такой человек, который посвятил бы себя этому делу, взял бы три четверти работы на свои плечи и имел бы достаточно сил, чтобы не согнуться под этою тяжестью. Такой человек и нашелся в лице Кулиша. Только он один и мог сделать это дело, и без него

¹ «Народных рассказов».

Марко Вовчок.
Фотография. Середина XIX в.

«Основа» вряд ли пошла бы дальше 3—4 книжек первого года. Только он один из всех малороссов того времени знал так малорусский язык, что мог писать им — и писать прекрасно — все, что хотел: и научную историю Украины («Исторія України од найдавніших часів» — в «Основе»), и критические статьи, и романы, повести, поэмы, лирические стихотворения.

Историю Малороссии он знал не хуже Костомарова, был, как и этот последний, в высшей степени трудолюбив, имел живую, подвижную, энергическую натуру и пылал страстным желанием работать для народного добра, а крупный литературный талант давал ему возможность удовлетворять это желание в обширных размерах.

Поэтому с первой же книги «Основы» мы видим, какую большую долю своего труда вкладывает он в дело. Он так наполняет книжки журнала своими работами, что принужден закрываться многими псевдонимами. Он печатает там ряд своих поэм и мелких стихотворений (после смерти Шевченко), рассказы, «Листи з хутора», рецензии, статьи по малорусской истории; со-

ставляет прилагаемый к каждой книжке словарь. Его научные статьи указывают путь новым работникам, а в поэзии он старается затрагивать такие струны, каких еще не касался Шевченко.

Многие статьи Кулиша в «Основе» посвящены критическому пересмотру прошлого Малороссии и ее литературы, а также полемике с противниками взглядов журнала. Таковы его статьи «Обзор украинской словесности», «Климентий, Котляревский, Гулак, Гоголь», «Характер и задача украинской критики», «Простонародность украинской словесности», «Полякам об украинцах», «Ответ “Дню”» и др.

Пылкий борец, Кулиш, нанося свои удары направо и налево в защиту ясной для его выдающегося ума истины, попадает иногда, по ошибке, в друзей (например, его взгляд на Котляревского, который он сам потом изменил), но идея демократизма, права только что раскрепощенной тогда массы, народное просвещение и самобытное развитие творческих народных сил нашли в нем горячего и талантливого защитника, высказавшего целый ряд новых и оригинальных мыслей.

В «Основе», как уже сказано, печатались стихотворения Кулиша. В 1862 году он собрал их в один сборник, озаглавленный «Досвітки»¹. После «Кобзаря» Шевченко это лучший сборник малорусской поэзии, который всегда будет читаться земляками поэта. Весь небольшой томик — это поэтическое воззвание к пробуждению от духовного сна:

Ой, ударю зразу
У струни живїї:
Прокиньтесь, вставайте,
Старїї й малиї!
Вищуванням новим
Мое серце б'ється,
Через край із серця
Рідне слово летється.

Поэт воскрешает перед нами своим поэтическим словом мученические образы предков, борющихся за лучшие идеалы народа и сложивших голову в этой борьбе. Печально звучит песнь поэта при воспоминании об этих могилах, но не одною печалью наполнено его благородное сердце. На угрозы польских панов карать страшными муками всех, кто восстает за свободу, он отвечает:

Нехай буде, нехай буде,
Коли Божа воля,

¹ Досвітки. Думы и поэмы П. Кулиша. СПб., 1862. (Второе издание: Киев, 1876.)

Щоб росла в боях кривавих
Українська доля!
Нехай знають на всім світі,
Як ми погибали
Й, гинучи, свою правду
Кров'ю записали.
Записали — прочитають
Неписьменні люди,
Що до суду із шляхетством
Згоди в нас не буде.
Поки Рось зоветься Россю,
Дніпро в море ллється —
Доти серце українське
С панським не зживеться!

Среди длинной галереи исторических лиц поэт выбирает для изображения такие рыцарско-благородные фигуры, как Немирич, и рисует с него своего Голку в поэме «Великі проводи». Голка — это немного Немирич, немного сам Кулиш:

Ой засію я надії
И думи високі
У козацькій, у лицарській
Натурі широкій.

Так думает он.

Збудується церква нова,
Під небо знесеться,
Як істини вічне слово
На весь мир проллється,
Як забудуть братів браття
Мужиками звати,
Як у всіх нас на Україні
Одна буде мати.

С такими мыслями и чувствами идет Голка защищать народную свободу и истину. Но слишком высоко стоял он по сравнению со своим народом, не избавившимся еще от чувств племенной вражды, и народ не может его понять. Голка умирает от рук своих же братьев, и, брошенное в Днепр-Слауту, его великое сердце

Розтерзане, кривавес
Б'ється під водою
И всю воду ісповняє
Думою святою.

Но не все могут прозреть сердцем в эту тайну родной реки:

Прозирають у Слауту
З устя до вершини
Не спаніли, не схлопіли
Діти України.

От прошедшего поэт обращается к настоящему, и печально звучат его струны:

Ой німує, ой сумує
Наша вбога хата,
Що багатий одцурався
Убогого брата!
Поминаю усіх мертвих,
А по живих плачу,
Що нікого я живого
Серед них не бачу.

Но нет, есть и живые. Уже вырастают те, которые приближают на земле царство истины. У этих людей одно дело:

Святу правду
Сіяти в народі
Й етим ділом Доказати,
Що ми — рідні діти
Тих великих, що за правду
Гинули на світі.
(«Досвітки», 36—37, 2-е изд.)

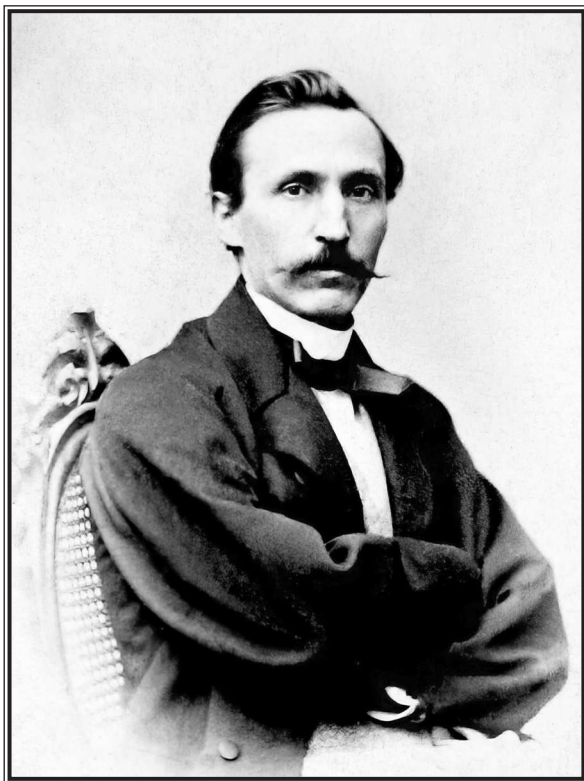
«Досвітки» — это плач над тяжелым прошедшим и настоящим и, вместе с тем, это призыв к лучшему, светлому будущему:

Ой, скоро світ буде,
Прокинуться люде,
У всяке віконце
Засіяє сонце.

И, чтобы это солнце засияло, он работает неутомимо. Кроме «Основы», он печатает еще в «Черниговском листке», составляет малорусский словарь и т. д. и т. п. Его деятельность доставляет ему тогда популярность и уважение среди земляков и неземляков, он свой и в Киеве, Полтаве, Харькове, Чернигове, и в Петербурге и Москве. Его имя повторялось среди малорусской молодежи, а его портреты отпечатывались не только на бумаге, но и в сердце не одной «панночки», начинавшей любить родное слово, и поэт имел право сказать о себе,

На далекій Україні
Не одна, не дві дівчини
Раді мене привітати,
До серденька пригортати.
В речах душу виливати,
Братом, татом називати.
(«Досвітки», 46.)

Юмористы слагали шуточные рассказы о почитании, которым пользовался тогда Кулиш среди своих поклонников и поклонниц.

Пантелеймон Александрович Кулиш.
Фотография. 1850-е гг.

Но между этими цветами было много и терний, и часто весьма чувствительных и очень вредивших делу. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что «Основа», выйдя в 22 книжках, должна была приостановиться, не закончив второго года. Пока еще трудно разобраться в той путанице недоразумений, которая произошла тогда среди кружка «Основы» в Петербурге. Кое-какие пояснения по этому вопросу дает г-н Мордовцев в своей книжке «За крашанку — писанка»¹, но все же еще больше остается неразъясненным. Не указывая подробности, которые заняли бы слишком много места, скажем только о том впечатлении, какое получается хотя бы от чтения напечатанных у г-на Мордовцева писем Кулиша и Костомарова. Было, кажется, то, что часто бывает в подобных случаях. Искренний, сильный и талантливый человек всецело отдает себя деятельности для известной идеи. Вокруг — люди меньшие и по таланту, и по преданности идее. Сильный человек

и видит дальше их, и работает больше и лучше их и, вследствие этого, хочет пользоваться большими правами, т. е. большею самостоятельностью в своей работе. Но толпа как раз этого и не хочет позволить.

Окружающие с удовольствием предоставляют ему право работать, но желают, чтобы работа производилась по их указке. Пусть он, пожалуй, пользуется и некоторой известностью, но не слишком большой — ведь тогда будут думать, что только он все и делает и что он умнее всех. А он и в действительности умнее всех и не хочет отказываться ни от своего ума, ни от тех прерогатив, которые последнему принадлежат.

Здесь и конфликт. С одной стороны, начинаются крики о «чрезмерном самолюбии» и «диктаторских наклонностях», а с другой — жалобы на толпу, не понимающую избранных умов, и прочее. Видя это непонимание, сильный человек еще более убеждается в своей справедливости и совершенно перестает обращать внимание на мнения других. Для него исчезает критика, в нем одном уже совмещается и творец, и критик собственного творчества. Поэтому, делая ошибку и слыша со всех сторон, что это ошибка, он все же не верит никому и думает, что его ошибка — открытие сильного ума, еще не понятое обыкновенными людьми. А обыкновенные люди, видя ошибки, в свою очередь, начинают полагать, что у сильного человека и нет ничего, кроме ошибок, и оставляют его.

Конечно, для этого необходимо, чтобы этот сильный человек слишком превышал средний уровень окружающих его людей и в то же время был очень самолюбив. Оба эти условия были налицо и в данном случае, а потому нечто подобное происходило и у Кулиша с его петербургскими земляками.

Отношения то улучшались, то снова портились. По поводу этих отношений г-н Мордовцев говорит в упомянутой выше книжке: «Для того я й друкую ци лысты його, щоб выдно було, як його свои ж грызлы, та все спотыньга, та й догрызлы до того, що вин плюнув им у вичы своею “Воссоединенною Русью”, а потим и “Крашанкою”»². С этого уже времени начался разрыв у Кулиша с обществом, приведший к печальным последствиям. И не без причины Кулиш говорит в «Досвітках»:

¹ С.-Петербург, 1882.

² «За крашанку — писанка», — П. Ол. Кулишеві написав Д. Сліпченко-Мордовець. СПб., 1882. Стр. 22.

Нема в мене роду.
 Немає дружини,
 А ні брата-товариша
 На всій Україні.
 Дума сумовита —
 То моя родина;
 Серце одиноке —
 Вірная дружина;
 Степи, гори й долини —
 Товариство-побратими...

Издание «Основы» прекратилось, дела типографии Кулиша, благодаря управляющему, тоже пришли в упадок. Кулиш жил в Петербурге в нужде, затем уехал на хутор под Борзну, хозяйничал и жил в такой крайности, что пища его и его жены не отличалась ничем от плохой пищи крестьянина. Единственным его заработком были несколько статей в журналах («История борьбы казаков с поляками во время Павлюка и Острияницы» и др.). Благодаря личному знакомству с министром Милютиным Кулиш в 1864 или 1865 году поступил на службу на значительную должность в Западном крае¹, но вскоре (1869) должен был ее оставить вследствие своих сношений с галицкими малороссами.

Как только прекратилась «Основа», Кулиш сейчас же начинает работать в галицких журналах: «Вечорниці», «Мета», «Правда». Там он печатает свои новые стихотворения, повести («Мартын Гак», «Потомки українського гайдамацтва») и различного содержания статьи («Перший період козацтва од його початку до ворогування з ляхами», «Нарис історії словесності русько-української», «Погляд на устню словесність українську», «Мальована гайдамашина», «Виховування дітей» и др.). В 1869 году появляется в Австрии его перевод пятикнижия Моисеева («Пять книг Мусиевых»), а затем (под псевдонимом П. Ратая) он издает стихотворный перевод Псалтыри и такой же — превосходный — Книги Иова; затем прозой — Четвероевангелие. (Позже, вместе с профессором Пулюем, Кулиш издал перевод всего Нового Завета).

Оставив службу, Кулиш бывал то в Галиции, то в Вене. Вся его деятельность направилась на Галицию. Эта часть малорусской земли, подавленная более культурным польским элементом, нуждалась в энергической литературной силе, могшей помочь ее возрождению, и Кулиш, всег-

да готовый работать, бросился туда, где в этой работе сильно нуждались. Деятельность Кулиша в Галиции послужила там к подъему духа малорусской народности в борьбе с денационализирующим польским элементом, придала новых сил галицким народолюбцам.

Все это было до 1873 года. В 1873 году Кулиш был уже в Петербурге и работал там над своей «Историей воссоединения Руси», два тома которой появились в 1874 году, а третий — в 1877 (конца не было); в 1877 году напечатал Кулиш в № 3 и 6 «Русского архива» и свои статьи о казачестве.

По поводу этих новых работ Кулиша г-н Пыпин в своей «Истории славянских литератур» (I, 375) говорит следующее: «Под влиянием чувства произошел последний изумительный поворот в мнениях Кулиша, выразившийся в “Истории воссоединения” и статьях о казачестве в “Русском Архиве” 1877 года, где прежние идолы были свергнуты с пьедесталов, и автор вообще явился злейшим противником стремлений, в которых прошла, однако, вся его прежняя жизнь». Большинство публики придерживается того же взгляда на последнюю литературную деятельность Кулиша. Между тем взгляд этот нельзя назвать вполне точным.

Еще в конце пятидесятых годов в эпилоге к русскому тексту «Черной рады» Кулиш говорил: «Я желал выставить (в романе) во всей выразительности олицетворенной истории причины политического ничтожества Малороссии и каждому колеблющемуся уму доказать... нравственную необходимость слияния в одно государство южнорусского племени с северным»².

Таким образом с самого начала своей долгой литературной деятельности Кулиш является, с одной стороны, защитником самобытного развития малорусской народности, а с другой — сторонником государственного единения южного русского племени с северным. Эти два принципа проходят красной нитью во всей его литературной деятельности до самого последнего ее дня, и читатель увидит ниже, что этим своим «стремлениям» Кулиш не изменял никогда.

Защищая индивидуальное «я» малорусского народа, Кулиш относился отрицательно к историческим деятелям Малороссии, выражая свое сочувствие только очень немногим из них. Вот его отзыв (в 1861 году) о гетманщине: «Мы не жалеем о ней, как об уничтожении корпораций гене-

¹ История с этой службой Кулиша до сих пор почти не разъяснена, почему и мы ограничиваемся только упоминанием о факте.

² «Русская беседа», 1858 г. I, 145.

ральных старшин, которые, вместе с избранным от царя гетманом, делили между собой войсковое имущество, не заботясь о благе народа. Нам нечего жалеть о падении гетманщины! Это было дерево, подгнившее в корне и не приносившее никаких плодов. Если б не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное без внимания народом»¹.

Во втором томе «Записок о Южной Руси», в предисловии к известной записке Теплова, он высказывается об этом еще резче, говоря о «естественной необходимости изменения испорченных административных форм» — т. е. гетманщины. (Т. II, 171—174). Исходя из таких взглядов, Кулиш считал политику Петра I и Екатерины II хоть и жестокою иногда (см. дальше в тех же «Липовых пуцах» о насилиях, делавшихся после уничтожения гетманщины), но государственно мудрою.

Такие же точно взгляды о необходимости единения великороссов и малороссов в одном государственном теле и о неизбежности и необходимости уничтожения старых малорусских порядков высказывает впоследствии (1882) Кулиш в своих гимнах «Единому цареві» и «Единій цариці» — Петру I и Екатерине II, прославляя их за то, что они уничтожили в Малороссии корпорацию эксплуататоров народа и раздавили «розбоями й руїною неситу гадюку за порогами», — т. е. Сечь². Таким образом, касательно политического положения Малороссии во взглядах Кулиша нет принципиальной разницы между тем, что он писал в 1857 и 1861 годах и в 1873, 1882 и 1896 годах.

Более изменились взгляды Кулиша на казачество, но все же не настолько, чтобы в его первоначальных мнениях нельзя было различить зародышей позднейших. Сперва он смотрел на казаков взглядом, близким ко взгляду Шевченко. Это доказывают его «Досвітки», где он, прославляя первых предводителей казачьих (деятели Кумеек и Солоницы, Морозенко и др.), говорит: Нехай знають на всім світі, Як ми погибали

Й, гинучи, свою правду
Кров'ю записали!³

Однако уже и тогда он хотя и понимал чувства «дикого хлопства», бушевавшего в южных степях

в XVII веке, но вполне мог отдавать свои симпатии только иным людям. Его идеалом был Голка («Великі проводи» в «Досвітках»), проповедник божественной истины и враг всякого разбойничьего насилия, восстававший против разрушительных стремлений темной народной массы. Масса не поняла этого человека и потому убила его, так как понять его могли только

Не спаніли, не схлопіли
Діти України —

т. е. истинные сыны своей родины, равно чуждые и порабителю претензиям панства, и грубым наклонностям некультурной массы и служащие только истинно человеческим идеалам.

И «паны» и «мужики» Кулишу одинаково несимпатичны. Сечь Запорожская и гайдамаки мало симпатичны ему еще в 1857 году; чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть некоторые страницы его «Записок о Южной Руси» или те места «Черной рады», где он говорит о запорожцах или описывает буйства сторонников Брюховецкого. Но в равной степени восстает Кулиш и против панских притеснений народа. Об этом мы уже упоминали, говоря о «Досвітках»; подобные же мысли находятся в изобилии в его полемических статьях в «Основе». Он желал бы встретить в истории только таких людей, как Юрий Немирич, с которого он рисовал своего Голку⁴. Такие фигуры привлекали его своею культурностью. Эта культурность нравилась ему и в польско-малорусском панстве XVII века, хотя он и не симпатизировал ему. Разыскивая в прошедшем таких насадителей культуры, как Немирич, он нашел их немного, но зато встретил много дикости, некультурного буйства. Это последнее чем далее, тем все более и более отталкивало его от себя, а признаки культурности все более и более привлекали. Уже в «Основе» 1861 года (IX, 79—107) он восстает против стремления видеть в истории Малороссии только историю казачества: «Козацтво було тільки буйним цвітом, а іноді й колючим бодяком серед нашого дикого степу. Росло в нас дечого багато й опріч козаччини».

Чем далее, тем Кулиш все более придавал значение этому «дечому опріч козаччини» и наконец совсем перестал видеть в казачестве какие-либо признаки культурной творческой силы: «Уничтожив могущественное королевство — Польшу,

¹ «Основа», 1861, V, 22—23 («Липовые пуши»).

² «Хуторна поезія», 89—94.

³ «Досвітки», 2-е изд., 21.

⁴ См. примечания к поэме «Великі проводи» в «Основе», 1862, II, 79.